

более раннего периода, которые они копировали, может быть, также европейских работ, они пытались моделировать фигуры более тщательно и подражать реальным формам». С нашей точки зрения, изменения, происходившие в стиле этой школы, при сохранении зачастую прежних иконографических тем, определялись в первую очередь теми сдвигами в области идеологии, которые происходили в феодальном обществе Армении при переходе его на новый, очевидно, последний этап своего развития. Новые тенденции в ряде областей экономической и духовной жизни страны подготовили почву и для восприятия западноевропейских образцов.

Добавим несколько мелких замечаний.

1. Может быть, не стоило бы называть арабские и персидские рукописи мусульманскими, определяя их конфессиональным признаком, хотя они зачастую имеют светское содержание.

2. Как ни хороша рукопись, украшенная Киракосом, едва ли стоило уделять ей десять таблиц, если это шло за счет воспроизведения миниатюр других кодексов, не столько совершенных по своим художественным достоинствам, но менее известных, чем рукописи, принадлежащие к Киликийской школе.

3. Замеченные опечатки: на табл. 14 помещен евангелист Марк с подписью Матфей; на табл. 15 — евангелист Лука с подписью Марк; на табл. 16 — евангелист Матфей с подписью — Лука.

В заключение следует сказать, что значение рецензируемого труда нельзя переоценить. Он не только обогащает наши знания об армянской миниатюрной живописи публикацией рукописей прекрасной коллекции, находящейся в частных руках, но и новыми выводами, являющимися результатом всестороннего глубокого изучения иллюстрированных армянских кодексов.

Т. А. Измайлова